

Андрей
Ермолаев

Павел
Мамонтов

ЛЮДОЛОВ

Мужьи Великого князя

**Андрей Ермолаев
Павел Мамонтов
Людолов. Мужья
Великого Князя**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67876386

SelfPub; 2023

Аннотация

Закат эпохи Владимира Красно Солнышко, сыновья уже мечтают как будут делить наследство старого князя. Но в древних болотах таится зло более опасное, чем свара великородных сыновей. Князьему людолову Люту предстоит это зло отыскать и уничтожить, потому что так велит Долг перед Великим Князем, что заменил ему отца, потому что, если он не защитит Княжество, то никто другой не сможет.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

32

Андрей Ермолаев, Павел Мамонтов Людолов. Мужичи Великого Князя

Людолов. Слуги Великого князя.

Клятый пролог.

Песий брех не умолкал в отдалении. По особым заливи-стым ноткам в лае легко выводилось, что псы лают не просто в азарте погони, а на кого-то конкретного, скорее всего – медведя. Свора гнала зверя в лес, или сам матерый уводил ее туда, в надежде там оторваться. Если это болотный медведь – им будут завидовать даже князья. Сейчас такой зверь – большая редкость. Самое интересное только начиналось! Но надо было спешить – косматая гора мышц и клыков только с виду была неуклюжей, но в случае нужды – медведь мог двигаться поразительно быстро, а убивать – еще быстрее.

«Как хорошо, как же хорошо размять старые кости» – так думал Волк, бывший дружинник-гридь из Новгорода, а ныне – гроза всего Степного порубежья, удалой атаман разбойников, именующий себя ни как иначе как боярин Вольг Ольбегович. Встречный ветер хлестал иссушенное лицо в шрамах этого немолодого, но еще крепкого мужчины, как и

десять-двадцать-тридцать лет назад. Это напоминало молодость, и он радовался этой приятной схожести. Жизнь – в движении, кто не двигается – уже мертв. Он понукал лошадь – быстрее, быстрее, туда! Успеть первым! Атаман никогда не запрещал своим бить зверя без него. Наоборот – жестоко бранил или даже бил тех, кто, желая ему угодить, не стрелял, имея такую возможность, оставляя право первого выстрела ему. Нет, нет – так совсем не так интересно без соперничества в забаве! Соперничество – подстегивает! Оно заставляет кровь быстрее бежать в старых жилах, это держит в бодрости! И, видит Небо, даже если зверя порешил не он – атаман все равно получал удовольствие от того бешеного азарта, который он так любил и в повседневной жизни. Первый среди равных, как в старые добрые времена, заслуженный первый – за это и боготворила его ватага... А еще, конечно, за удачливость и щедрость. Не было такого наскока, чтоб ватага понесла больших потерь или вернулась с пустыми руками. Волк, как опытный вожак настоящей волчьей стаи – всегда знал, куда надо идти и где есть чем поживиться.

Сегодня охота обещала быть еще более горячей, чем обычно – этого зверя выслеживали давно, по наводке деревенских, у которых зверюка повадился таскать овец прямо из сараев.

Стремя в стремя с атаманом несся на мохнатой степной лошади, азартно сверкая узкими степными глазами Тимар, торк, и его личный телохранитель. Тимар мог на скаку со ста

шагов попасть в летящую утку, и соперничать с ним в этом было сложно, но ведь медведь не утка – еще посмотрим кто кого! Поляк Чеслав с уже приготовленным арбалетом, видимо, тоже был такого же мнения. Рядом с ним на мохнатой же лошадке скакал гость атамана, сын печенежского хана, батыр Илдей. У хана – много сыновей и еще больше воинов, но, если договориться об общем хотя бы с этим сыном – пограничье и даже само княжество еще не так дрогнет от боевых криков его ватажников и степняков. Даже под рукой этого, не самого успешного сына Большого хана Талмата – порядка трех сотен всадников. Да с такой силой – даже не каждая дружина сможет справиться!

За раздумьями атаман не сразу заметил навязчивое, словно комариный писк, беспокойство и не сразу понял, что не так. В лесу было тихо. Виляющая звериная тропа расширялась. Впереди, под разлапистым кустом, сплошное месиво серо-бурого цвета, топорщащееся вывороченными сизыми внутренностями в кровавой грязи. Все что осталось от одного из охотничьих псов. Кто-то очень крупный и сильный одним могучим усилием порвал зазевавшуюся собаку пополам! «Ох, и матерый зверище, видимо!» – атаман почувствовал знакомый трепет восторга. Гость степняк готовил лук для стрельбы? Чтож, посмотрим, чья будет добыча! Хоть Волк и не особо жаловал лук, но вот арбалет, подарок Чеслава – это да. Грозный боевой механизм, кованный у франков, пробивал самые крепкие доспехи тяжелой стре-

лой-болтом... И черепа даже крупных зверей – тех же медведей. Сможет ли совершить такой подвиг даже степной, сложносоставной лук? Атаман очень в этом сомневался, и в этом ему был подспорьем личный опыт. Он улыбнулся сыну хана – ну давай, ханыч – посмотрим, кто завалит зверя! Печенег, заметив его улыбку, тоже вежливо улыбнулся. Вежливость к старшим – одна из черт степняков, надо отдать должное. Интересно – так же ханыч улыбался князю Владимиру, когда дружина последнего разметала, размазала по степи сборную орду его и нескольких его братьев, а сам Илдей, оказавшись в окружении, сдался в полон? И был милостиво отпущен князем, только через полгода, потому что хан так и не выкупил неудачливого сына, плюнув на него, после того как услышал сумму выкупа. Сыновей у хана было множество, а вот серебра на каждого неудачливого из них – нет!

Его отвлек от воспоминаний отчаянный визг собак и мощный утробный рев. Такой мощный что, казалось, дрогнул весь лес. Нет, это определенно не заурядный зверь! Зеленые метелки ветвей хлестали атамана по лицу и бокам и, наконец, он, с небольшим запозданием, расплескав зеленый водопад кустов конской грудью, выметнулся на небольшую полянку, вслед за обскакавшим его таки, Чеславом.

Полянка, сплошь утоптанная, была залита кровью – клочья мяса и покалеченные останки собак валялись тут и там. Некоторые псы были еще живы и пытались уползти из этого страшного места, волоча внутренности и перебитые конеч-

ности. На противоположном краю поляны, на крепких ветвях огромной березы, висели облепленные мухами четыре ватажника-загонщика. Те, что еще утром отправились далеко в обход.

– Велесово гузно! – атаман оглянулся на Тимара – он еще ничего не понял, сказывался возраст, ведь звери не могут подвешивать людей на веревках за горло, они вообще ничего такого не могу... А личный телохранитель уже обегал взглядом кусты, мигом позабыв про охоту и разодранных собак. На его луке лежал уже не широкий охотничьей срезень, а бронебойная стрела с узким наконечником. Возглас удивления ватажников заставил Волка обернуться, и обмереть – поляк так и сидел на охотничьей лошади, медленно бредущей по окровавленной поляне, но в его посадке больше не было присущей ему лихости и собранности. Плечи понуро опущены, а там, где короткое время назад была голова, теперь лишь ровный срез, брызжащий фонтаном крови. Был старый боевой друг – и не стало. Атаман зарычал от ярости и потерял еще несколько драгоценных мгновений, пытаясь совладать с собой. На поляну вывалились гурьбой отставшие, разгоряченные погоней ватажники. Веселые, крепкие, азартные. И в воздухе, со всех сторон, засвистели стрелы...

– Волк – берегись! – Тимар метнул несколько стрел в возможное место засады. Атаман, уже все поняв, перекинул из-за спины легкий степной щит, чтобы хоть как-то прикрыться. Вокруг творился ад – на небольшой поляне случилась ка-

ша из бьющихся в агонии убитых и раненных коней, визг, шум, матерная ругань.

– Отходим! – рявкнул атаман, видя, как раненные кони сбрасывают и калечат его ватажников. – Живо!

Пара всадников рванула назад по узкой тропинке: отступить, перестроиться обойти место засады. Не успели они проехать и десятка шагов, перед коленями первой лошади, как змея из листвы выскочила толстая верёвка. Конь запнулся об неё и полетел через голову вместе с наездником. Второй всадник успел поднять лошадь в прыжок, перемахнув живое препятствие, но только затем, чтобы грянуться оземь, когда копыта лошади коснулись земли. В одном из копыт торчали растопыренные железные шипы, спаянные вместе и похожие на маленькую звезду. Один из шипов застрял глубоко в плоти животного. Лягаясь всеми четырьмя конечностями, лошадь закричала почти по-человечески – душераздирающе и жалобно. Атаман отчетливо услышал этот первый крик, а потом отдельные звуки все пропали в диком гвалте месива, что началось на поляне, потому что опять засвистели стрелы.

Ещё один взбесившийся конь тяжело скакнул наперерез атаману, а потом, испугавшись, прыгнул в сторону – ватажник на нем хряпнулся вниз головой и не поднялся. Кони взвивались на дыбы, молотя смертоносными копытами, стрелы продолжали лететь. Пальцы Волка судорожно стиснули арбалет, казавшийся еще мгновение назад таким надежным.

Сколько же врагов засело в засаде? С ним большой десяток его ватажников. Был. Сейчас – меньше, но остались еще ханский сын и два его воина и семеро его «бывалых». Холодок нехорошего предчувствия, ледяной волной прокатился по телу. Кто посмел на них напасть? Дружину его люди бы точно заметили. Местные собрали свою ватагу их охотников, да решили, таки, дать отпор? Даже сейчас его воинов хватит, чтоб прорубиться через целое полчище таких горе-воjak с топорами и охотничьими луками да рогатинами.

Что-то не складывалось в общей картине случившегося – как эти самые «горе-воjаки» смогли незаметно для его людей притащить в засаду такое количество народа? На каждого из ватажников нужно минимум двое, а уж на тех, кто были воинами в былом, да степняков – по десятку, не меньше – иначе ничего не выйдет – как можно было не заметить такую коdlу народа так близко? Усилием воли он прогнал неуверенность.

– Отступаем! Спешиться! Борча – вперед, зови наших, мы с Тимаром – прикрываем! Спешиться лешего гузно, иначе кони-дуры сами всех перемолотят!

– Батька! Кони?

– К черту! Живы будем – втрое наживем!

Зычный голос атамана, даже сквозь визг и крики был услышан. На поляне возникло движение – ополоумевшие кони разбегались во всех направлениях.

Миг – и вокруг спешенного атамана образовалась маленькая стена щитов спешенных ватажников и степняков с лука-

ми. Отряд медленно попятился – вслед за Борчей ускакавшем на коне. Сейчас он молнией метнется к походному биваку на берегу речки – там, у атамана без малого полсотни душ. Полсотни сабель, топоров и копий. Дранные селяне еще пожалеют о своей внезапной храбрости!

Короткий гул и звон заставил Волка обернуться – прямо на него, лицом вниз, валился Тимар – короткий арбалетный болт торчал у него из затылка. От таких ран – не лечат. И тут же еще один свист – длинная стрела утонула по оперение в горле ближайшего к атаману ватажника. Илдей выпустил сразу три стрелы в место, откуда прилетела смерть. И тут же увернулся от ответной стрелы, уже с другой стороны.

Лес дрогнул от жуткого рева. Может ли так реветь даже болотный медведь? И сразу же за ревом – ржание коня и вопль. Страшный человеческий вопль. Так орали несговорчивые деревенские – при самых страшных пытках. Когда понимали, что все, что конец. Чужая стрела сбоку пробила висок одного из оставшихся ватажников. Атаман глухо выматерился.

– В круг! Внимательнее!

Илдей и степняки выпустили целый веер стрел туда, где зелень кустов еще качалась от соприкосновения с вражеской стрелой. Тишина. И вновь валится один из ватажников – с арбалетным болтом, пробившим щит и его грудь.

«Сучьи дети! Никак не меньше полусотни тварей! – решает атаман – ...откуда у них арбалеты?» Засечь хоть одно-

го ублюдка – и тогда он покажет, что может попадать арбалетным болтом не хуже. Может не селяне, а братья по разбою? В последнее время на него многие зуб точат – разбогачел, мол, не пойми как, житья другим нет от такого. Вполне может быть! Но какие же, однако, осторожные и ловкие эти вражьи ватажники! Хоть одного убить отступая! А потом – пройтись густой гребенкой копий по лесу, переловить и передушить всех.

Стрелы сыпанули с двух сторон на и без того малый отряд. На узкой звериной тропке пришлось туго.

– Назад! На поляну! Быстро! – яростно прошипел Илдей. Сукин сын, узкоглазый выродок, раньше бы поплатился за такое явное нарушение субординации, но сейчас его послушались все без исключения – все пятеро оставшихся. Быстрая пробежка до середины окровавленной поляны, свист еще одной стрелы, одному из ватажников вскользь зацепило щеку – и все. До ближайших кустов шагов шестьдесят изгвазданного обрывками собак и истоптанного конями пространства.

– Спинами к дубу! – приказывает атаман – так хоть с одной стороны можно будет не ждать нападения. «Сейчас бы большие щиты» – с тоской мелькает мысль. Нехорошие предчувствия уже не просто шепчут – воют голодным волком в голове. В оглушительно короткое время его крепкая «старая дружина» – полностью разбита. Большинство оставшихся – ранены. Теперь уже не важно, сколько селян-охотников и вра-

жых ватажников вокруг, если, конечно, это они – теперь на остаток отряда хватит нескольких десятков и таких врагов. Только степняк Илдей еще во что-то верит – стоит отдельно от них, всматривается, вслушивается.

– Борча! Жив? – кричит атаман, памятуя о крике. Может, все же удалось прорваться и уже сейчас верная ватага – мчит-ся, сюда не жалея коней? Одновременно с его криком из кустов справа свистит стрела – Илдей грациозно уходит в сторону, пропуская ее буквально в пальце от своей головы. Отвечает почти одновременно – за кустами движение. Легкое, неслышное, но степняку, опытному воину и охотнику, большего и не надо – еще две стрелы срываются на звук, а следом за ними – тяжелый арбалетный болт атамана. Тишина... Новое движение кустов – прямо в том же месте. Еще несколько стрел срываются с лука ханского сына.

– Я хочу говорить с вашим главным! – атаман, прикрываемый ватажниками, выходит вперед, раздвинув щиты. Тишина ему ответом.

– Я, боярин Вольг Ольбегович, предлагаю мир. Предлагаю себя в полон, в обмен на то, чтоб мои люди ушли к своим. Вы получите большой выкуп от моих людей и, со своей стороны, я даю слово, что не буду преследовать вас или чинить урон вам и вашим семьям. А те, кто пожелают – будут приняты в мою ватагу на общих основаниях. Вы – доказали, что вы – достойные воины. В том готов поклясться богами.

Вновь только тишина. Волк продолжил:

– Мое слово – вам порука. Поклянусь на крови, ежели надо. Отпустите моих людей – я останусь залогом моих слов. А нет – зачем проливать кровь еще? Давайте решим дело поединком? Я сам готов выступить против любого вами выставленного воя.

Из кустов слева вылетел «ответ» и упал к ногам атамана, пролетев добрых два десятка сажений. Отрубленная голова старого ватажника Борчи...

– Я отлично знаю цену твоему слову, Волк, – густой мощный голос, казалось, донесся отовсюду. – Мало того – я лично в нем убеждался, глядя на порубанных, изуродованных тобой и твоими людьми, селян.

– И что?

– Людей губишь как моровая язва. И последнее – отбираешь, ровно паук ненасытный.

– Людей? Так разве то – люди? Им положено пахать и платить сильным. Таким как мы. А если бунтуют – им нужно напоминать положение дел. Так делают все бояре и князья!

– Вот только ты – не князь и не боярин, – прозвучало язвительно. – И за свои злодеяния – ты сегодня уйдешь с этой поляны не на своих ногах. И – не полностью.

Буйная кровь взыграла в жилах старого атамана – он уже давно привык смотреть в глаза смерти, такое уж у него ремесло и жизнь, и просто так его – не запугать!

– Пес! Сучий потрох! Ты смеешь мне грозить? Ты – трус, стреляющий в спины из кустов! Клянусь Перуном – сколь-

ко бы вас не было – так просто вы нас не возьмете, и я еще упьюсь вашей кровью!

– Он там один, – ровным голосом поправил старый ватажник Звень. – Один, матерый вой*¹, что наострил множество ловушек и заманил нас в них как глупых уток.

– Один? Не может быть! – не поверил один из ватажников.

– Один, – повторил Илдей следом за Звеном. – Просто шакал очень хорошо подготовился. И все время на шаг впереди нас...

Уловив новый шорох в тех же дебрях, печенег, послал на движение разом три стрелы.

– Почти попал, – прорычал голос, но уже из другого места. – Ты хороший стрелок, сын хана.

– Хорошим я бы был, если бы уложил тебя!

Зловещий смешок был ему ответом.

– Это далеко не так просто, степняк. Поверь.

Вновь стрелы сорвались с тетивы тугого степного лука.

– Я предлагаю тебе уходить, Илдей, сын Талмата. Я не за тобой пришел.

– Зато я – теперь уже охочусь за тобой. И, клянусь Тенгри, теперь я тебя никогда в покое не оставлю. Тебя, твою семью, твоих друзей.

– Очень глупо мне говорить такое – я могу пожелать того же с твоими близкими.

– Попробуй. Лучше сам сейчас уходи. Пока еще можешь.

---

¹ Вой – воин (древнеруск.)

Эти люди – мои друзья и под моей защитой.

– Ты их не спасешь. А делить нам с тобой – нечего. Ты мне не нужен.

Теперь уже усмехнулся степняк.

– А ты – шутник. Боишься схватиться с баатуром?

Из дебрей выпорхнула стрела – Илдей лишь чуть отклонил голову, пропуская ее мимо.

– Уходи, степняк. Последнее предупреждение. Обними своих жен, поживи еще пару лет – твоя голова стоит недорого. Сейчас. Потом будем воевать. Я не хочу убивать тебя.

– Это тоже не так просто, – самодовольно похвастался Илдей, ловя каждое движение в округ, каждый шорох травы и кустов.

На сей раз ответом были два арбалетных болта. Увернуться от них было нелегко – практически невозможно, даже такому великолепному воину как Илдей. Но ему и не пришлось – оба болта летели не в него – и на свете стало еще на одного ватажника меньше. Звень, глухо матерясь, хватал скользкое от крови оперение болта, ушедшего на всю длину ему в плечо и пришпилившего его к дереву.

– Слышишь? Эй? – проревел Волк, закрываясь щитом. – Слышишь? Пусть уйдет хоть мальчишка! Он – ни в чем не виноват. В разбое – не участвовал никогда, никого не убивал и не пытал. Слышишь?

Враг не подавал признаков жизни – ни шороха, ни треска.

– Отпусти его? Ну?

– С чего ты решил, что он его отпустит? – ехидно осведомился степняк. – Я бы на его месте не отпускал. Сопляк – запомнит. А когда вырастит – может отомстить.

– Если шакал один – то это людолов. За мою голову назначена награда, и большая. Князю нужна моя голова, а не его. Его голова – ничего не стоит для князя. Как и твоя.

– Людолов? – степняк прицокнул языком, пробуя на вкус новое для него слово. Но атаман уже не обращал на него внимания.

– Слышишь, ты? Ну? Мальченке всего тринадцать – он еще не успел ничего натворить.

– Чего же ты так о нем печешься? – нарушил тишину неведомый убийца. – Думаешь, замолишь этим все свои грешки? От них в аду все черти разбегаться будут, не юли!

– Это сын моей сестры. Я его выкрал у нее, когда увидел, в какой нужде живут. Отпусти хлопца – и я никуда не уйду. Лес вновь был беззвучен, словно выжидал.

– Тебе он ни к чему – отпусти его. Слышишь?

– Добро. Пусть уходит.

Волк повернулся к степняку.

– Уводи его к нашим. Там знают, что делать.

– Я останусь.

– Нет! Уводи его. И возвращайся. Коли паду – переройте весь лес, но эту погань – найдите. Ватажников – точно хватит. Не медли!

– Дядя чего это я должен уходить? Я не пойду! – заарта-

чился молодой ватажник.

– Нишкни, щеня! Пшел домой – к мамке! И чтоб духу твоего не было здесь сей же час!

Печенег думал, склонив голову на бок, отчего его странные для славянского глаза длинные черные косы рассыпались, опустившись ниже пояса. Коротко кивнул, и атаман обрадованно крикнул.

– Не стреляй! Они – уходят.

Лес хранил гробовое молчание. Никто не стрелял по отделившимся от дерева людям – никогда вышли на середину поляны, никогда шли по тропе, пока не скрылись из виду. Казалось, враг ушел, оставив старого атамана одного. Одна стрела – всего одна, легкая, бесшумная была послана вослед ушедшим, когда они уже были очень далеко. Послана твердой рукой, точным глазом, но на Удачу – и сегодня госпожа была явно не на стороне разбойников. Стреле досталась жертва и кровь пролилась. Но старый разбойник уже не мог этого видеть – он готовился к своему бою на смерть.

Волк отбросил в сторону арбалет, стянул через голову рубаху, оставшись по пояс голым. Вытянул хазарский меч в правую руку, в левую взял длинный широкий кинжал.

– Ну? Ну, вот он я, ты же за мной шел? – атаман тряхнул мечом, пробуя кисть для боя.

– Выходи – один я! Аль ты только в спины стрелять горазд?

И вновь тишина ему была ответом.

– Где ты, тварь? Где? Выходи! Вот он я! Я тебе нужен – приди и возьми, мразь!

Волк вышел на середину поляны. Он провернул руку с саблей – клинок свистнул в воздухе как живой.

– Ну? Выходи? Витязь ты аль нет? Вот он я – здесь! Выходи, пес княжий! Трус, падаль, сукин сын! Вот он я! Ко мне шавка! Ко мне тварь, мразь, сука!

Атаман вошел в раж, глаза налились кровью – он уже попрощался с жизнью и был готов к смерти. Такие люди всегда намного-намного опаснее тех, кто хоть немного рассчитывают выжить. Но вступать в поединок – не входило в планы его противника. Враг уважил храброго разбойника – он позволил на себя взглянуть, поднявшись из густой травы на краю поляны, в двадцати шагах от атамана. Волк вздрогнул от внезапного появления людолова, совсем ни отсюда, откуда ждал, да еще и так близко от себя. Он лишь успел взглянуть в глаза своей смерти – долей секунды позже арбалетный болт пробил его храброе и жестокое сердце.

Тело еще не перестало биться в конвульсиях, когда людолов подошел к разбойнику с обнаженным ножом. Ему нужна была голова Волка, и следовало торопиться. Если он хоть что-то понимал в этой жизни – нужно было очень спешить, потому что очень скоро в этом лесу будет очень и очень жарко, а ему еще собрать все взведенные тут и там самострелы, и прочее оружие.

Через час сюда на взмыленных конях примчались оставшиеся в лагере ватажники, но они нашли лишь десяток трупов с вырезанными из них стрелами, и тело атамана – без головы. От людолова остались лишь следы трех коней, которые сведущим людям уверенно говорили только об одном – до врага уже очень далеко.

1 глава. Клятая дорога и клятый трактир.

Небо серебрила неполная, щекастая луна – вот-вот и лес, и дорогу скроет мрак и ничерташеньки не будет видно. Заросли хрупкой бузины и колючего терна, не закрывавшие всадника и наполовину, сменили кущи благородного дубняка и подлесок. Лесостепь вечно беспокойного порубежья кончилась, лес полноправно вошел в силу, покрыв густой бородой душистую прелой листвой землю. Леса тянулись до самого Киева, а подходящих дорог было немного. Конечно, можно было бы уходить лесными тропами, но с тремя конями это был тот еще подвиг и, не мудрствуя лукаво, он выбрал основной тракт. Погоня, которую он чуял день и ночь, наконец, осталась далеко позади и лошадям, можно было дать

немного «роздыху».

Лютобор Ратигорович, личный людолов Великого князя Киевского, «Нелюдь» в простонародье, сегодня был раздражителен еще более чем обычно. Видимо оттого мелькавшие днем на обочине дороги люди, увидавшие его, хватались за обереги или мелко крестились, а иные – тайком плевали в след. Их можно было понять – такую образину, как он, незнакомый с ним человек запросто мог бы принять за выходца с преисподней. Его загорелая, смуглая кожа лоснилась от здоровья, широченные плечи были под стать былинным богатырям, а в выпуклой бочкообразной груди пряталось могучее легкое и сердце прирожденного воина, но на все это была посажена такая страшная голова и лицо, что она казалась чуждой благородному организму. Это лицо портило все, делая мужественную фигуру варварской, грубой: целые ущелья шрамов с правой стороны разваливали лицо, перекраивая, уродуя его. То были не благородные узкие шрамы от клинка – это шрамы были тоже уродливы: толстые, как канаты, кривые, бугристые, ровно чудовищные когти располосовали лицо и правую часть головы в лохмотья, а потом выживший каким-то чудом человек, долго их сращивал, собирая лицо по частям. Кольчужная рубаха иногда дает ощущение полной неуязвимости в бою, но это не так, и это может подтвердить любой матерый воин: тело людолова так же было покрыто косыми разрубам от мечей и сабель, бугрящимися дырками от стрел и копий и прочими другими метинами

бурной и опасной жизни. Шрамы придавали воину дикости и безотчетного ощущения нечеловеческой живучести, а черная грива волос, кое-где заплетенная в косицы и включенная сейчас борода – только подчеркивали в целом скорее дикарский, разбойничий образ, так не подходящий вернейшему слуге Великого князя, коим он являлся. Людолов терпеть не мог, когда его рассматривали, и потому длинный дорожный плащ с капюшоном, новшество из западных королевств, призванное делать человека незаметным, стал его почти повседневной одеждой. Впрочем, на счет незаметности – тут были враки – как раз в таком виде, из-за малого распространения такой одежды в широкие массы, такой плащ привлекал внимание, но капюшон – делал свое дело, закрывая его лицо, потому как любой, кто бы глянул ему в глаза – тут же его узнал бы. Во всех обширных землях киевского великого княжества не было второго такого человека с такими глазами: один глаз его был зеленый, второй – янтарно-желтый и, видя такое многочисленные священники, так расплодившиеся при нынешнем великом князе с некоторых пор, уже были готовы обвинить его во-многих грехах и карах Господних.

– Крепкие у тебя, однако, хлопцы, – нарушил молчание людолов, обращаясь к отрубленной голове Вольга в кожаной сумке, притороченной к заводному коню. От тишины – тоже можно устать, хотя людолов умел ее ценить. – Не отстают совсем. Не думал, что «такие» у тебя – есть. Но ты ведь теперь об том не расскажешь – ты теперь далеко не так разго-

ворчив, как ранее.

Голова в суме хранила молчание, и Нелюдь кивнул.

– Проклинаешь, поди? А чего ты хотел, поперев супротив Великого князя? Это было делом времени – ты ж бывший гридь, и должен был это понимать. Ишь – свое княжество решил содеять! Да еще и на земле Великого князя?! Вот теперь висишь в тороке*². Твоего хлопца – убил. Знаешь, поди, уже? Ты поступил бы так же – так что не сильно-то там проклинай. Впрочем – можешь и сильно – вряд ли твоя нынешняя «мстилка» произведет на меня большое впечатление. А ватаге твоей – и так и так теперь конец. Никаких «новых» княжеств – прямая дорога под мечи княжых гридней. Уж поверь – я постарался загодя.

Некоторое время он ехал молча, глядя на стремительно темнеющую округу. На мальчишку в таких ситуациях не было никаких указаний, оставляя решение на людолове, полагаясь на его чутье и расчет. Лют посчитал племянника атамана опасным в будущем для множества людей и, тем не менее, положился на удачу, пустив лишь одну легкую, дальноточную стрелу из лука – и провидение само решило судьбу мальчишки. В отрицательную для него сторону.

– Со степняком связался, тьфу – сплюнул, сменив тему, людолов. – Начерта? Они ж кровь лют нашу что воду! Твоих же людишек кровь, если рассудить? Кем править-то соби-

---

² Торок – кожаная сумка у седла, вероятно перенятая в обиход у степных кочевников.

рался? Степняки б всех посекали, аль продали б – и остался б ты боярином без холопов, дурак.

Голова молчала – ей явно нечего было возразить.

– Хотя... Чести ради – кто я такой, чтобы осуждать другого? Иные, к примеру, скажут, что разговаривать с отрубленной головой – не по-христиански и вообще – дурной тон. А я им скажу – идти в задницу! Когда мотаешься неделями вообще без звуков человеческой речи – поневоле волков взвоешь от тоски по человеческой речи – ведь можно вообще забыть, как это делается. Да и по-христиански – это не ко-мне. Сам понимаешь. Мое дело – малое. Ничего личного, так что не серчай там, «боярин». А хлопцы – зря за мной гоняются. Чего привязались? Вот – молчишь, а я скажу – я просто так кровь проливать не люблю в отличие от тебя. Степняк разобиделся? Или кто еще такой лихой там у тебя? Будут упорствовать – найду способ спровадить в мир иной и их.

Походная сумка мерно стучалась о бок заводной лошади на ходу, словно кивая, и людолов продолжил.

– Там впереди трактир на перекрестке – пожалуй, там и заночуем. И лучше бы твои хлопцы б отстали – ей-ей. Хо! Заболтался я с тобой, однако, а у нас – гостья!

Почуял он ее раньше, чем увидел. Маленький светлый силуэт на дороге поначалу напряг (знал он эту разбойную повадку – выставить ребенка, аль женку чтоб путника остановить, задурить словами пустыми, а потом навалиться всей ватагой на ротозея), но других людей он не чуял, а потому

направил коня в сторону силуэта, явно его дожидającegoся.

– Ну? – коротко и многозначительно осведомился он.

– Добрый христианин, боярин батюшка – проводи за Христа ради до корчмы на перекрестке? – свежее милое личико, глаза круглые как у мышки, смотрят в сторону – явно неудобно просить, да и стесняется. Вон – даже ножкой произвольно дорожную пылюку трет. Молоденькая совсем девчонка – ну никак не больше восемнадцати, да и то – вряд ли.

– В лесу волков слышала. Проводи, Христа ради – обузой не буду.

За спиной у девушки имелась большая плетёная котомка.

– Так уж и не будешь? – с усмешкой уточнил Нелюдь, скинув капюшон. – А если я не боярин, не добрый, да и не христианин?

Тяжелым взглядом он впери́лся в побледневшее от удивленного личико, с усмешкой наблюдая бисеринку пота, что выступила у нее на виске и разинутый в удивлении рот.

– Ай, ай, как невежливо, – покачал он головой, выждав какое-то время, пока девчонка его рассматривала.

Та немного смутилась, но оторвать взгляда от ужасного лика не смогла. Конечно же, она узнала его, ведь даже на порубежье нет настолько диких людей, чтоб не слышали о любимом убийце Великого князя и его «красивой» физиономии. Вот он перед ней, во всей своей красе – рукой протяни, ухватишь за яйца – здоровенный, широченный, страшный, с

длиннющей саблей на поясе и еще более страшным, огромным датским топором в чехле у седла.

– Ну? – вновь многозначительно уточнил он.

– А волков не боитесь? – неуверенно, невпопад спросила она.

– Зверь зверю глотку не вырвет просто так, без причины, – усмехнулся он, глядя на нее с высоты седла и своего немаленького роста. – Как тебя зовут?

– Василиса. Васька... А вас?

– Меня – по-разному. И зовут, и обзывают. Я уже и не упомяну, как меня зовут на самом деле.

Он как можно приветливее улыбнулся, но по съежившейся еще больше фигурке понял, что сделал это зря – вот-вот лужу пустит. Улыбка никогда не красила его лицо – из-за всех шрамов она у него была похожа на судорогу, сводящую лицо в злобную рожу умалишенного. Девушка стояла, не жива, ни мертва, пауза затягивалась – страшный всадник не нападал, чтоб «снасилить и загубить душу невинную», как ожидалось, если верить слухам о нем, но и не уезжал, глядя в глубину уже по ночному темного леса. На секунду, всего лишь на краткое время, его страшные глаза блеснули совсем уж по-хищному, а замершая ухмылка стала похожа на плотоядный оскал. «Волколак! И впрямь!» – внутри бедной девушке все замерло и похолодело от догадки – ведь слышала?! Слышала, что о нем говорят, да не верила!

– Ты...

– Волколак, хочешь сказать? – ласково договорил за нее Людолов.

От его голоса ей захотелось ломануться, не разбирая дороги в лес, но кажется силы от страха, совсем ее оставили.

– Может быть. Но разве же это помешает нам с тобой быть добрыми друзьями? – он лукаво улыбнулся, погрозив ей пальцем, не на секунду, не сводя с нее заволаживающего, будто прицельного взгляда хищника. Так смотрит большой дикий кот за мышонком, неосторожно вылезшим у него перед мордой. Он видел тяжелую борьбу внутри ее, ее запах менялся вновь и вновь, и это его забавляло.

– Друзья? – выдавила она, наконец, решившись. – С волколаком? Ха-ха! Дружили волк с козой, правда не долго. До ночи, друзья, да? Потом – просто еда в одиночестве.

Не ожидавший такого ответа Нелюдь расхохотался во всю мощь своих могучих легких. Она тоже выдавила из себя робкую улыбку.

– С волками тогда мной только не делись – они мне не любви еще больше, чем ты.

Людолов вновь улыбнулся, но на сей раз – одобрительно.

– А ты смелая. Не боишься мне дерзить вот так?

– Ну, коль ты меня сожрешь – получается, мы сблизимся донельзя. Так что – не боюсь.

– Ну, чтож... Скажу как на духу – жрать тебя не хочу, – лукаво улыбаясь, ответил Людолов, поводя головой из стороны в сторону. – Людей вообще жрать – вредно для здоро-

вья. В них говна много, веришь-нет, да вольнодумствования, от которого одни болезни. Лучше сожрем хороший окорок в таверне вместе! И, это, ты уж прости за то, что спугал, девка. Не хотел. Ну, вернее хотел, но – так, ничего дурного. Скучно мне, да и уже долго ни с одной живой душой и словом не перемолвился. Садись на заводную, коли не страшно. На лошади-то можешь?

– Могу, – робко улыбнулась она, блеснувшей надежде, все еще настороженно за ним наблюдая.

– Ну, так садись скорее! За мной тоже погоня – стоять столбом на тракте – нет времени.

Больше не тратя времени попусту, она взгромоздилась в седло заводной лошади, подивившись несколькими самострелам, притороченным к ней.

– Не видела самострелов ни разу?

– Нет, добрый молодец – не приходилось.

– И, надеюсь – не придется! Они голову доброму молодцу с плеч срезом срубить могут со ста шагов.

– А злому?

– И того хуже!

– Ты до сей поры не сказал, как тебя величать на самом деле, – напомнила она.

– Лют меня зовут. Лютобор. Нелюдем обзывают. А чаще просто – Людолов, хоть то не верно. Но я – привык.

Эта длинная для него речь так легко слетела с его языка, что он сам себе подивился. Девушка поежилась под тяжелым

взглядом Людолова, хотя он этого и не желал. Внимательный и чуткий, как по природе, так и по-долгу своему, людолов, решил лишний раз ее не пугать. Растопить лед между ними, ему показалось хорошей идеей, ведь ему далеко не всегда удавалось поговорить хоть с кем-то, даже когда вокруг был избыток народа. Потому спросил первое, что пришло в кудлатую голову.

– С Рубежа идешь? Что ты там делала?

Ответ он предполагал, но соскучившись по-человеческой речи, он был готов слушать что угодно, даже многократно наскучившее, однако Василиса его удивила.

– Жених у меня там был – вместе и удрали из, отчего дома на Рубеж.

– Надо же, – старательно изобразил удивление людолов.

– Я – изверг³. Можешь поносить меня как хочешь, поучать, укорять, раз уж обещался довези куда сказал. В обиде – не буду. Только к радетелям не выдавай – прибьют, я тятю – знаю. А хозяйке корчмы я внучатой племянницей прихожусь – не прогонит чай с денек другой, приютит. Она меня не отвергала, да и работала я у нее когда-то.

– Не мне судить тебя за то, что ты изгой. Не мне, – обронил Людолов после короткого раздумья. – А сбежала чего?

– Батька вторую жену себе взял. Она ему первенца, маль-

---

³ Изверг – следует напомнить, что в то время слово носило другое значение. Если толковать точно – «извергнутый из рода», изгой из семьи – за проступок илислушание.

чонку, родила – тот слушать её стал. Она понятно на меня стала наговаривать, да не просто так змея подколотная, а чтобы со свету меня сжить! Поэтому, когда мой Воинег посватался, батька сказал, что никакого приданного не даст, да ещё пусть за меня выкуп заплатит, раз воин, то гривен много. А Воинег он не бедный, но уже на Рубеж собрался, коня купил, нового, сбрую, сам знаешь, сколько серебро нужно. Он думал – мы вместе Степь на заставе будем пахать, хлеб растить, детишек родим. В общем, села я на заводную его и уехала.

– Недолго ваше счастье вышло, как я погляжу. Дите хоть нажили?

– Нет. Что не долго – верно. Налетели копчёные, из шайки подханка Илдэя. Хотели крепость изгоном*⁴ взять, да сторожа не дремала. Набег отбили да со стен печенега много поббили стрелами. А вот моему – не повезло. Степняк ведь за- всегда горазд стрелять в ответ. Вот Воинегу стрела и попала прямо в лицо. Сразу насмерть.

– А чего на Рубежа не осталась? – Людолов попытался отвлечь девушку от грустных мыслей, – Девка ты ладная, молодая. Хороша, как не посмотри. Дерзка и храбра не в меру, так для какого гридня-жениха – это даже лучше!

---

⁴ Быстро, внезапно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.